

Советский футбол в довоенную пятилетку (1936–1941)

СЕРГЕЙ БОНДАРЕНКО

СЕРГЕЙ БОНДАРЕНКО. Выпускник исторического факультета МГУ по кафедре советской истории, сотрудник историко-правозащитного общества «Мемориал». Адрес: 127051, Москва, Малый Каретный пер., д. 12. E-mail: bond57@rambler.ru.

Ключевые слова: культурная история футбола, советское двоемыслие, любители, профессионалы, коллектив, индивидуальность, тактика, импровизация.

В статье речь идет об истории подготовки и проведения первых советских футбольных чемпионатов. Став важной частью новой советской массовой культуры, футбол во второй половине 30-х получил свой собственный пропагандистский образ. Это спорт «любителей», основанный на принципах «коллективизма», поставивший во главу угла свою собственную «советскую» по духу игровую тактику. Почему с идеологической точки зрения футбол должен был выглядеть именно так, и почему он никогда таким не был? И возможно ли вообще построение такого футбола «в одной отдельно взятой стране»?

SOVIET FOOTBALL DURING THE PRE-WAR FIVE-YEAR PLAN

SERGEY BONDARENKO. MA in Soviet History, Employee of the “Memorial” Human Rights Center. Address: 12 Maly Karetny pereulok, 127051 Moscow, Russia. E-mail: bond57@rambler.ru.

Keywords: cultural history of football, soviet doublethink, amateur, professional, collective, individuality, tactics, improvisation.

The article tackles the history of the preparation for and organization of the first Soviet football championships. Having become a part of new Soviet mass culture in the second half of the 1930s, football acquired a propagandistic image. This “amateur” sport based on “collectivist” principles with its own play technique was “Soviet” at its core. Why did football have to look this way from an ideological point of view, and why was it never like that? The article seeks to answer these questions and to pose the question of whether it is possible to create this kind of football “in one particular country”.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЧЕМПИОНАТУ

СТОРИЮ развития футбола в России в два дореволюционных десятилетия и первые годы советской власти принято разделять на два основных пласта: это клубный, официальный футбол и футбол «дикий», неофициальный.

До 1917 года для вступления в частный спортивный клуб и занятий футболом необходимо было помимо игровых качеств обладать средствами на соответствующий денежный взнос и письменными рекомендациями. Игрокам же «диких» команд зачастую не был нужен даже настоящий мяч: футболисты могли играть тряпичным шариком на неразмеченной площадке без ворот. Влияние «официального» футбола также не обходило их стороной — чаще всего они посещали матчи «больших» команд в качестве зрителей. Из «диких» игроков — в силу возраста, но также и в силу демократизма самого этого движения — выросло первое поколение советских футболистов, многие из которых играли вплоть до второй половины 1930-х годов и принимали участие в первом чемпионате СССР среди открытых спортивных обществ.

Советское правительство, следуя нормам революционной законности, отдало поля и стадионы «спортивных клубов» в свободное общественное пользование. Благодаря этому доступ к ним получили игроки «диких» команд, превратив советский футбол в спорт по-настоящему массовый. Спортивные клубы в их старом, дореволюционном понимании были запрещены и расформированы, а на их основе созданы во многом сходные по устройству добровольные спортивные общества. Они создавались на протяжении нескольких лет, так как принципиальное решение в значительной мере зависело от того, насколько успешным окажется первая крупная спортивная организация подобного типа — общество «Динамо». К началу 1930-х го-

дов стало очевидно, что именно такой путь развития массового спорта выглядит наиболее предпочтительным. Более точной датой Н. П. Старостин называет 1931 год: «Примерно тогда комсомол выдвинул лозунг о создании добровольных спортивных обществ по типу „Динамо“, добившегося выдающихся спортивных успехов»¹. Добровольные спортивные общества (ДСО), организованные по территориальному (в отдельных союзных республиках) и отраслевому (на фабриках, заводах, предприятиях и т. д.) принципам, оказались самой жизнеспособной формой существования футбольных коллективов. Декларируя принципы «широкой самодеятельности», ДСО оказались гибкими и вместе с тем легко контролируемыми структурами, в особенности те из них, что были образованы при крупных ведомствах: армии, ГВ, Министерстве путей сообщения. В 1936–1938 годах были созданы ДСО в профсоюзах, окончательно закрепившие новую систему. С незначительными изменениями она просуществовала вплоть до распада СССР. Степень ее адекватности внешним экономическим и общественным условиям в разное время — тема для отдельного исторического исследования.

Процесс создания спортивных обществ, стоявших в авангарде отечественного футбола, был довольно длительным и растянулся почти на десятилетие, а с установления советской власти до проведения первого чемпионата СССР среди клубов прошло и вовсе без малого 19 лет. Переходный период был связан не только с организационными трудностями, но и с идеологическими проблемами, которые необходимо было разрешить перед проведением общесоюзного первенства.

В 1920-е годы многое было сделано для того, чтобы уничтожить преемственность между заново сформированными командами и их дореволюционными предшественниками. Футбол лишился и без того едва уловимого налета элитарности, заграничности, укрепляясь в статусе одного из главных развлечений пролетариата. Чисто городская природа футбола должна была быть особенно любима партийными идеологами, он распространился

...от морских портов, прежде всего Петербурга, Одессы, Батума (где обретались британские моряки и немало подданных Соединенного Королевства, занятых службой на берегу), во все более и более отстоящие от моря крупные города, а оттуда — в промышленные пригородные зоны и лишь в последнюю очередь, глухой и вялой инерцией, — на зеленые луга и поляны. <...> Футбол на селе по-настоящему у нас так и не привился (не вполне

1. Старостин Н. П. Футбол сквозь годы. М.: Советская Россия, 1989. С. 26.

ясно, по каким причинам, скорее всего, ввиду общей нерасположенности сначала просто крестьянства, а потом колхозного крестьянства к спорту как таковому, что связано с какими-то базисными структурами сознания) и так и остался городской забавой².

Следующей проблемой, по крайней мере идеологической, стал сам принцип соревновательности, последовательно отрицавший необходимость деления на победителей и проигравших как в корне несправедливого³. В первой половине 1930-х годов эта идея была почти полностью вытеснена, а вместе с переходом от культуры 1 в культуру 2 (по Паперному) забыта окончательно. До определенной степени она была связана и с насаждавшимся какое-то время представлением о равенстве, которое к 1935 году было развенчано и получило презрительный ярлык «уравниловка»: «„Ударничество“ становится замечательным аргументом в борьбе против устаревшего понятия „равенства“, которую начинает Сталин. „Равенство“ объявляется понятием мелкобуржуазным»⁴.

Другое идеологическое противоречие казалось более труднопреодолимым. Общесоюзное первенство само по себе утверждало некие устоявшиеся границы государства, внутри которого оно проводилось. А эта идея до поры до времени никак не могла совмещаться с ожиданиями скорой мировой революции. Национальный футбольный чемпионат — это символ постоянства, невозможного в революционное время. Вдобавок этот турнир носит ярко «буржуазный» характер, ведь аналогичные ему чемпионаты разыгрываются в Западной Европе. Постепенный отход на второй план революционной риторики, «социализм в одной отдельно взятой стране», укрепление позиций государства — все это в большой степени способствовало созданию необходимых условий для проведения в СССР нового футбольного турнира. Серьезный переворот в общественной и культурной жизни горожан, связанной с досугом, Шейла Фиц-

2. Королев С. А. Ландшафты и тела: ушедшие миры советского спорта // Знамя. 1997. № 6.

3. Ср. с: «Игра характеризуется тем, что мотив игрового действия лежит не в результате действия, а в самом процессе. <...> Не выиграть, а играть — такова общая формула игры. Поэтому в играх взрослых, если внутренним мотивом игры становится не столько играть, сколько выиграть, игра, собственно, перестает быть игрой» (Леонтьев А. Н. Психологические основы дошкольной игры // Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1972. С. 477, цит. по: Визтей Н. Н. Физическая культура и спорт как социальное явление: Филос. очерки. Кишинев: Штиинца, 1986).

4. Геллер М. Машина и винтики: история формирования советского человека. М.: МИК, 1994. С. 135.

патрик датирует 1935 годом, когда произошел «переход от пуританского аскетизма, характерного для культурной революции, к терпимости в отношении людей, наслаждающихся жизнью. Отныне поощрялись все виды массового досуга: карнавалы, парки культуры и отдыха, маскарады, танцы, даже джаз»⁵.

В конце концов был найден устраивающий всех формат первенства, в котором должны были принимать участие «добровольные спортивные общества» (ни в коем случае не «профессиональные футбольные клубы»!). С этого момента дело пошло значительно быстрее — от опубликования первого постановления о проведении чемпионата до стартового свистка в его первом матче прошло всего несколько месяцев. В середине марта 1936 года В. Манцев, председатель Всесоюзного совета физической культуры (ВСФК), предложил разыграть союзное первенство среди 15–20 коллективов в два круга. «Не прошло и двух недель, как предложение главы физкультурного ведомства с некоторыми изменениями получило силу закона. Случилось это 26 марта. Документ эпохальный, положивший начало новой эре развития отечественного футбола»⁶. М. Якушин в своих мемуарах объясняет это так:

Вопрос о проведении такого турнира, который стал бы традиционным, давно витал в воздухе. У многочисленной армии советских футболистов практически не было выхода на всесоюзную арену, а следовательно, и веских стимулов для повышения мастерства. В первенствах страны, которые проводились от случая к случаю (к 1936 году их состоялось всего пять), участвовало лишь ограниченное число сборных. Товарищеские встречи клубных команд различных городов мало что давали, поскольку подлинного накала и напряжения — «борьбы вовсю» — в этих играх не было и не могло быть. В такой ситуации футболу грозил застой. И вот, наконец, долгожданное решение о проведении чемпионата принято⁷.

По словам Р.Эдельмана, «решение руководства советского спорта о создании полноценной национальной футбольной лиги было обусловлено стремлением удовлетворить растущий спрос на спортивные развлечения. В свое время эта модель была разработана успешными профессиональными футбольными организациями в капиталистических странах»⁸. Другая,

5. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 111.

6. *Вартамян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 26.02.2001.

7. *Якушин М. И.* Вечная тайна футбола. М.: ФиС, 1988. С. 36.

8. *Эдельман Р.* Серьезная забава: история зрелищного спорта в СССР. М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008. С. 98.

уже упомянутая нами причина — стремление продемонстрировать крепнущее единство государства в его все еще сравнительно новых государственных границах: «предполагалось также, что с созданием всесоюзной футбольной лиги появится еще один институт, который будет способствовать усилению не слишком прочного чувства общности, связывающего жителей той огромной многонациональной страны, в которую превратился СССР»⁹.

Уже 21 июня 1936 года Всесоюзный совет по физической культуре при ЦИК СССР был преобразован во Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта, напрямую подчиненный Совету народных комиссаров. Возглавил его И. И. Харченко (протее главы комсомола А. Косарева). Новый календарь футбольного сезона, новый формат розыгрыша первенства — благодаря этим новациям возросла прежде всего массовая база самой игры. Место основной и нескольких дублирующих «сборных города» заняли самостоятельные спортивные коллективы — со своим набором игроков и кругом болельщиков. Количество и тех, и других неуклонно росло.

Наступила весна 1936 года. Впервые всесоюзное футбольное первенство проводится по-новому. Право оспаривать почетное звание чемпиона предоставлено не сборным командам городов и республик, а коллективам добровольных спортивных обществ. Это значительно расширяет рамки соревнования. Мы, молодежь, конечно, особенно довольны. Когда-то еще поставили бы нас в сборную команду города. А теперь играй, отстаивай честь своего родного спортивного коллектива, борись за победу, за высокое звание лучшей советской команды — путь открыт!¹⁰

Новый чемпионат демонстрирует целостность советского государства — в нем играют не города, а команды. Предпочтения болельщиков теперь распределяются по куда более уместному в социалистическом обществе «классовому» признаку: солдат может болеть за ЦДКА, железнодорожник — за «Локомотив», авиатор — за «Крылья Советов», сотрудник НКВД — за «Динамо». Разумеется, это несколько условная и схематичная картина, однако важен сам принцип изменения, содержащийся в ней.

В 1936 году первенство СССР разыгрывалось два раза: весной и осенью. Команды были поделены на 4 группы: А, Б, В и Г, причем решение о том, куда отправить какую команду, было

9. Эдельман Р. Указ. соч.

10. Федотов Г. И. Записки футболиста. М.: Молодая гвардия, 1952. С. 49.

принято вопреки спортивному принципу, ведь никто не мог ручаться за то, что правильно определил уровень игры каждого клуба. Восторжествовала идея неравенства, иерархичности: «идея неравенства людей, во всяком случае неравенства способностей и степени подготовленности, была официально санкционирована культурой 2»¹¹. Семь коллективов в группе А разыграли между собой первенство СССР: это команды «Динамо», «Спартак», ЦДКА, «Локомотив» (все — Москва), «Динамо» и «Красная Заря» (обе — Ленинград), а также киевское «Динамо». Нетрудно заметить, что крен в сторону «столичных» команд в первом разыгранном чемпионате был весьма значительным. Команды групп Б, В и Г оспаривали право на «повышение в классе» и переход в подгруппу с более близкой к началу русского алфавита буквой.

Первым чемпионом стало добровольное спортивное общество московского «Динамо», выигравшее свои соревнования в группе А и получившее в награду переходящее знамя Всесоюзного комитета.

Р.Эдельман не жалеет эпитетов, говоря о роли событий 1936 года в истории советского спорта: «1936 год стал годом второго рождения советского футбола и датой, знаменующей начало истории профессионального зрелищного спорта в СССР»¹². Обращает на себя внимание его характеристика этого нового спорта как «профессионального». Разбору этого вопроса посвящен первый параграф следующей главы.

* * *

Еще раз отмечая важность культурного поворота 1935 года (Фицпатрик) и перехода Рубикона, разделяющего культуру 1 и культуру 2 в 1932-м (Паперный), стоит выделить общегосударственные задачи по национализации культуры. Конструирование нового самобытного облика советского, социалистического футбола, несомненно, было частью этого движения. По мнению М.Геллера, «цель национализации культуры, заключения ее в магический круг, соавторства состоит в том, чтобы исчезли — или были подменены — знаки, язык, на котором можно выразить иные мысли»¹³. Советский футбол получал новое наполнение.

11. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 118.

12. Эдельман Р. Указ. соч. С. 102.

13. Геллер М. Указ. соч. С. 259.

ОБРАЗ ФУТБОЛА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

*Любители — профессионалы*¹⁴

В самой постановке вопроса о любителях и профессионалах содержится ряд противоречий. Прежде всего, кого можно считать первым, а кого вторым? С одной стороны, эти слова в русском языке имеют несколько значений и могут использоваться в прямом и переносном смысле. С другой — и одно конкретное понятие может быть наполнено значением, размывающим изначальный смысл слова. Постараемся определить их смысл максимально просто: профессионал — это человек, занимающийся определенным родом деятельности и получающий за это занятие деньги, то есть, строго говоря, профессиональный футболист занимается только футболом и получает зарплату в этом качестве. Любитель, напротив, предается избранному занятию в нерабочее время и делает это из чистого удовольствия, не отвлекая из этого материальной выгоды¹⁵. В наших дальнейших рассуждениях постараемся отталкиваться от этих простейших посылок, в том числе разбирая пограничные случаи, столь часто встречающиеся в истории советского футбола.

Еще раз обратимся к терминологии, тесно связанной с новым языком советской культуры. Советский новояз неоднократно становился объектом исследования¹⁶. В частности, можно отметить стремление новой власти к наполнению старых слов и понятий новым смыслом и выхолащиванием старого. Процесс этот многосложен и интерпретируется различными способами (один из наиболее радикальных, но очень точных примеров из художественной литературы — статья «О новоязе» Джорджа

14. Текст этого параграфа прочитан автором в качестве доклада на научной конференции студентов и аспирантов «Конструируя „советское“? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» в Европейском университете в Санкт-Петербурге 25.04.2009 (см.: Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. Материалы научной конференции студентов и аспирантов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 10–14).

15. Мы далеки от мысли идеализировать и абсолютизировать эти «рабочие» определения: при желании можно представить себе и любителей, играющих ради материальной выгоды (например, если на кон выставлена конкретная сумма, которую может получить победитель встречи), да и профессионалам случается играть при многомесячных невыплатах зарплаты. Однако подобные случаи находятся за рамками рассматриваемой нами темы.

16. См., напр.: Сарнов Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма. М.: Материк, 2002.

Оруэлла в приложении к роману «1984»). Каждое неоднозначное явление в определенный момент получает свою оценку от новой культуры в соответствии с высокими критериями строящегося общества или подлежит уничтожению и забвению как принадлежащее отрицаемому буржуазному периоду истории.

В русле этого же явления лежат изменения в самой общественной жизни, переоценка ценностей, довольно строго контролируемая сверху. В статье «О некоторых константах русского традиционного сознания» С. С. Аверинцев приводит подобный пример с празднованием Нового года и новогодней елкой:

Прежде чем легитимировать столь важное для семьи торжество вокруг елки на грани двух годов, прежде чем ввести новогоднюю — разумеется, не рождественскую — елку даже в Кремле, «новый быт» прошел через осуждение елки вообще как «мещанства». <...> Елка перестает быть чем-то, что сохраняется в семье без оглядки на внешние семье инстанции: ее отбирают, затем даруют сверху; без отобрания невозможно было бы дарование¹⁷.

Довольно развитая система футбольных клубов императорской России (основанная, вопреки утверждениям советской пропаганды, далеко не только на денежных взносах и сословном неравенстве) была сознательно разрушена еще в 1920-е годы, чтобы возродиться в облике советских добровольных спортивных обществ уже в 1930-е. Деление на любительский и профессиональный спорт должно было претерпеть неизбежную адаптацию к советским реалиям¹⁸. Слова «любитель» и «профессионал» утратили свою нейтральность, став во многом оценочными понятиями. О любителях вдохновенно писал Андрей Старостин:

«Любитель» — какое красивое слово! С ним всегда связывается представление о благородной страсти, бескорыстно владеющей всеми помыслами человека. Ради этой страсти можно и не есть вовремя, и не отдохнуть, отказать себе в красивой одежде и других удовольствиях. Чувство глубокого удовлетворения, я бы сказал, счастья приносит такая всепоглощающая страсть¹⁹.

17. Аверинцев С. С. О некоторых константах русского традиционного сознания // Собрание сочинений. Связь времен. Киев: Дух і літера, 2005. Т. 1. С. 381–382.

18. Схожую мысль касательно механизма изменения смысла понятия высказывает И. Голомшток: «Неспособный по своей консервативной природе к воспроизводству новых идей, тоталитарный реализм берет их в готовом виде, переводит на свой язык, искажает их эстетическую природу, превращает в нечто противоположное им самим» (Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. С. 11).

19. Старостин А. П. Большой футбол. М.: Молодая гвардия, 1957. С. 105.

На деле это означает следующее. Прежде всего, каждый советский человек должен отдавать себе отчет в том, что профессионального футбола, равно как и профессионального спорта, в Советском Союзе не существовало. Идеологические причины этого лежали на поверхности: футбол, несмотря на его несомненные «пролетарские» достоинства и положительные свойства, сам по себе не производителен, это игра, и для советского человека она не может считаться «работой». Футболисты тренируются и играют за свои команды в «свободное от работы время»: в их трудовых книжках нет записей вроде «вратарь» или «центральный нападающий» — они «работают» на заводах, фабриках, стройках, служат в конторах, иногда даже руководят производством (такой курьезный случай имел место с Андреем Старостиным).

Вторая важная причина «любительской» природы советского футбола — в неизменном фоновом противопоставлении его западному «профессиональному» футболу. Эта страсть к сравнению и сопоставлению является одной из отличительных черт советского общества в целом. В разное время она поддерживала «социалистическое соревнование», гонку вооружений, вдохновляла людей на покорение космоса, наконец, в рассматриваемый нами период она очень четко определяла водораздел между «буржуазным» и «социалистическим» образом жизни и использовалась для поддержания идеи особой, «советской» природы отечественного спорта. «Спортсмены не должны были быть товаром, а сам спорт — источником прибыли для тех, в чьих руках находилась организация турниров и матчей»²⁰.

Советские команды с профессиональными клубами почти не играли, главным образом потому, что футбольные руководители, да и стоявшие за ними политические фигуры, опасались возможного поражения. Н. П. Старостин вспоминает, что во второй половине 1930-х годов «у начальства широко было распространено мнение, что в международных матчах, даже играя с друзьями-соперниками, советские спортсмены обязаны побеждать. Любое поражение расценивалось как подрыв авторитета социалистической Родины»²¹. Сразу заметим, что здесь речь идет не только о матчах с профессиональными командами, но и вообще о любой международной встрече. Любительские, так называемые рабочие, команды разных государств приезжали в Советский Союз регулярно и неоднократно принимали у себя советских футболистов, которые, за редким исключением, играли против них без поражений. Самым крупным любительским международным форумом того времени, в котором приняла участие советская команда,

20. Эдельман Р. Указ. соч. С. 25.

21. Старостин Н. П. Указ. соч. С. 37.

была Рабочая Олимпиада в Антверпене в 1937 году, речь о которой пойдет позднее. «Профессиональных» же соперников перечислить совсем просто ввиду их немногочисленности: это чешский клуб «Жиденице», французская команда «Рэсинг», сборная Басконии²². Сразу отметим, что лишь матчи с последней проходили на территории Советского Союза (встречи в Испании в 1937-м году по понятным причинам быть не могло). По политическим соображениям советским командам было «безопаснее» играть на выезде — это существенно снижало моральный урон, наносимый социалистическим идеалам советских футбольных болельщиков в случае возможного поражения.

Тем не менее даже столь редкие встречи совершенно не исключали подспудной работы принципов профессионализма «западного» типа в советском футбольном мире. Их невозможно полностью искоренить, да к этому и не стремились, — они были необходимы именно в своей противоречивости, чаще всего как жупел, но иногда и как образец для подражания. Вспомнить о существовании этих принципов простому советскому болельщику было нетрудно — стоило открыть газету «Красный спорт», в котором с достаточной регулярностью печатались небольшие заметки о матчах зарубежных национальных чемпионатов. Причем из-за разницы футбольных календарей (весна–осень в СССР, осень–весна почти во всей Европе, исключая Скандинавию) зимой и ранней весной единственными футбольными новостями могли быть именно вести с Запада. Начинаящий в то время журналист Мартын Мержанов вспоминает в своей книге «Еще раз про футбол»: «Мы читали переводные статьи английских и немецких журналистов, интервьюировали каждого заезжего зарубежного тренера и таким образом составляли себе картину европейского футбола»²³.

Итак, советский футбол не должен был быть профессиональным. Тем не менее в конце 1930-х это профессиональное спортивное состязание. В конце концов, «любители» и «профессионалы» — всего лишь слова, а смыслом их наполняют представления о политической целесообразности конкретного момента. В эти же годы И. Сталин, по замечанию М. Н. Рютина, «то, что раньше называл в области индустриализации и политики в деревне ленинизмом, объявил правым оппортунизмом, а что раньше объявлял троцкизмом — теперь назвал ленинизмом»²⁴.

22. М. Якушин также упоминает о «большом количестве профессиональных игроков» в сборной команде Праги, приехавшей в Советский Союз в сентябре 1935 года.

23. Мержанов М. Еще раз про футбол. М.: Физкультура и спорт, 1972. С. 15.

24. Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Платформа «союза марксистов-

Абсолютное большинство «рабочих мест» для игроков футбольных команд существовало только на бумаге, а сами футболисты выполняли свои непосредственные обязанности — тренировались и играли в футбол. По современным меркам тренировки были не слишком регулярными: «в 30-е годы мастера тренировались по вторникам, четвергам и субботам, а играли в воскресенье»²⁵. Однако и эти показатели были бы недостижимы, если бы они действительно были обречены находиться на своих рабочих местах.

Запрет комсомола и совета физкультуры обходили без потуг: оформляли футболистов на работу, куда они аккуратно являлись два раза в месяц — за зарплатой. Все остальное время гоняли мяч. Схема, опробованная в 30-е годы, не давала сбоев на протяжении десятков лет²⁶.

Никаких преднамеренно антисоветских причин у этих формально незаконных действий не было и быть не могло — свою роль здесь играла простая, чисто профессиональная ориентация большого спорта на результат. А то, что добиться его можно, лишь освободив футболистов от любой другой деятельности, было очевидно для всех заинтересованных лиц. В марте 1936 года в прессе на эту тему высказался тренер Николай Никитин:

«Чтобы успешно конкурировать с зарубежными клубами, нужно в первую очередь освободить мастеров от их неспортивной работы, и не только на восстановительный весенний период, как это делается сейчас, но и на весь игровой сезон. Тогда тренировочный процесс можно будет вести систематически, непрерывно, тратя на это значительно больше времени. К освобождаемым игрокам, несомненно, будут предъявлены более строгие требования». Фактически речь шла о профессиональных отношениях и деньгах (на что же будут жить футболисты, освобожденные от «неспортивной работы»), но без употребления этих слов и чуждых нам буржуазных понятий²⁷.

Мемуары советского времени изобилуют разного рода замечаниями, понять которые исключительно через «любительские» представления о футболе просто невозможно. Так, Андрей Старостин вспоминает, что начиная с самых первых чемпионатов СССР «практиковались предматчевые сборы команд, как их на-

ленинцев» («группа Рютина») // Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991. С. 338.

25. Старостин Н. П. Указ. соч. С. 182.

26. Вартанян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 29.08.2003.

27. Там же.

зывают — карантин»²⁸. Трудно вообразить себе игроков-любителей, не приходящих на свое основное место работы в такие дни, особенно если вспомнить о рабочей дисциплине, активно насаждаемой в Советском Союзе в это же время.

Не вызывает сомнений и тот факт, что соответствующие органы были осведомлены о подобном положении дел. По взаимному согласию соблюдалась видимость законности вкупе со стыдливым умолчанием об объемах финансирования футбольных команд и размерах выплачиваемых игрокам премиальных. Вновь сошлемся на весьма любопытные данные, которые приводит Аксель Вартамян, в отношении советского футбола и футбола западного в 1930-е годы:

В штате футбольных команд числилось с два десятка футболистов. На брата с вычетом неизбежных расходов приходилась довольно упитанная сумма. Назвать конкретную за отсутствием данных не смогу. Но окольными путями, например из публикуемых в прессе месячных стипендий футболистов провинциальных команд, не относящихся к показательным, доходов от «левых» матчей и некоторых других данных, вычислить примерную сумму попытаюсь. У футболистов группы «А» в месяц набегало где-то в районе двух тысяч рублей. У кого-то меньше, у кого-то больше. Нет сомнений, что игроки ведущих клубов относились к числу самых высокооплачиваемых в стране. Исключая, естественно, номенклатуру, весь правящий аппарат и, возможно, отдельных выдающихся деятелей науки, искусства и культуры. Если расчеты верны, то доходы советских футболистов сопоставимы с доходами английских профессионалов. Судя по опубликованным в советской печати со ссылкой на английские источники данным, те зарабатывали от 800 до 900 фунтов стерлингов в год. В месяц — 67–75 фунтов. Один фунт в середине 30-х равнялся 24 рублям 40 копейкам. Нетрудно подсчитать: в рублевом эквиваленте англичане получали примерно от 1650 до 1850 рублей в месяц. Заработки (не вникая в тонкие материи вроде покупательной способности рубля и фунта) внешне схожи²⁹.

Сведения о творящемся «произволе» власть избирательно использовала в воспитательных целях, а к концу 1930-х — и для решения политических задач. Так, в 1937 году в печально известной статье «О насаждении в обществе „Спартак“ буржуазных нравов» «раскрывалась страшная „тайна“, что в „Спартаке“ спортсмены общесоюзного значения получали деньги. Им действительно платили стипендию — что-то около 80 рублей. Умалчивалось же главное: делалось это по решению Комитета физ-

28. *Старостин А. П.* Указ. соч. С. 135.

29. *Вартамян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 16.01.2004.

культуры, утвержденному А.И.Микояном»³⁰. Но даже эту заработную плату игроки получали не как «футболисты», а как «инструкторы спортивного общества». О такого же рода решении в более широком контексте пишет и А. Вартанян:

Привилегированных команд, которым Манцев с подачи Николая Старостина позволил кормиться исключительно футболом, было чуть меньше тридцати. Однако нелегально такая практика существовала — и не первый год — во множестве коллективов, разбросанных по всей стране. Ситуация вышла из-под контроля властей. Разоблачительные статьи, время от времени возникавшие на страницах местной и центральной печати, остановить процесс были не в состоянии³¹.

В романе Льва Кассиля «Вратарь республики», впервые вышедшем в 1938 году, проблема профессиональной занятости игроков также рассматривалась как чрезвычайно актуальная. Игрок-звезда, «индивидуалист» форвард Цветочкин противопоставлен простому парню Антону Кандидову, в том числе и в вопросе отношения к своему рабочему времени вне футбола. Хотя, разумеется, личные качества Цветочкина, его недостатки, слабость его характера играют здесь не меньшую роль, чем стремление зарабатывать игрой в футбол:

- Э-э, послушайте, — крикнул Цветочкин. — Кандид Антонов, э-э, виноват, не заглянете с нами, тут, поблизости, перекусить?
- Так сейчас же работать, — простодушно отвечал Антон. С завода уже доносился гудок его смены.
- Работать? — засмеялся Цветочкин. — Что мы с вами — рыжие?
- Вот черт, — восхитился конопатый. — А перед директором кому отвечать?
- Согласовано, — сказал Цветочкин³².

К концу 1930-х годов с ростом и развитием клубного чемпионата СССР вместе с возросшим вниманием болельщиков к нему возросло и количество разоблачительных дел, посвященных финансовым злоупотреблениям в футбольных командах. Приведем еще несколько примеров.

Из выступления Ивана Харченко 14 февраля в Москве на Всесоюзной конференции спортобщества «Торпедо» и профсоюза рабочих автопромышленности: «У нас в физкультурном движении очень часто действительно упорная работа подменяется спор-

30. Старостин Н. П. Указ. соч. С. 47.

31. Вартанян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 29.08.2003.

32. Кассиль Л. Вратарь республики. М.: Советский писатель, 1959. С. 169–170.

тивной шумихой... Чтобы не быть голословным, я приведу некоторые факты. В добровольном обществе „Металлург“ по заводу „Серп и молот“ в 1936 году на содержание одной только футбольной команды было истрачено 188 тысяч рублей, а на такие ведущие секции, как лыжная, — 9700 рублей, на гимнастическую... 175 рублей!» <...> В изданном в январе 1937 года постановлении Московского комитета физкультуры «О запрещении выплаты так называемых стипендий и дотаций физкультурникам» населению доступно объяснили, а непонятливым руководителям спортивных обществ напомнили, что «спорт — дело прежде всего добровольное. Желание играть в хоккей или футбол, бегать на лыжах, коньках, совершенствоваться в боксе, борьбе и т. д. не продается. Успех в том или ином виде спорта зависит прежде всего от личного желания занимающихся. Физкультурное руководство должно удовлетворить это желание не подачками, а предоставлением хорошо оборудованной базы (стадион, станция, зал), квалифицированного инструктажа, высококачественного инвентаря...»³³

Никакой сверхжесткой борьбы «против профессионализма» в советском футболе этого периода не было, разоблачительные кампании оставались весьма мягкими, особенно по меркам «большого террора». Нельзя, конечно, не упомянуть о немалом количестве репрессированных и расстрелянных спортивных чиновников и функционеров (одной из самых значительных фигур среди пострадавших был покровитель московского «Спартака» А. Косарев), но, повторимся, в какой-то мере это вписывалось в «порядок вещей» данного исторического периода. Мы, со своей стороны, попробуем взглянуть на дихотомию «любителей—профессионалов» под несколько иным углом зрения и отметить некоторые особенности, присущие именно советскому футболу в его высокие и вместе с тем наивных устремлениях к идеалам любительского спорта и отчаянных попытках не замечать собственной «буржуазной», профессиональной сущности.

Тип оплаты труда и формальное место работы — важные, но далеко не единственные критерии различия любителей и профессионалов в их советском понимании. Необходимость игры на результат, «жажда наживы», порожденные товарно-денежными отношениями в зарубежном футболе, наделяли профессиональных игроков целым рядом других отличительных признаков. К ним следует отнести прежде всего *грубость* как следствие внешнего давления, преувеличенного значения конечного спортивного результата и как порождение общего бескультурья, отсутствия у игроков гражданской сознательности. Александр Старостин в своей небольшой книге «Рассказ

33. Вартамян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 16.01.2004.

капитана», посвященной поездке сборной Москвы в Чехословакию на матч с профессиональным клубом «Жиденице», позволяет себе лишь одно по-настоящему эмоциональное «футбольное» лирическое отступление (оставим пока за скобками его многочисленные размышления внешнеполитического характера). Капитан москвичей говорит о вопиющей грубости со стороны игрока соперника:

Центр-хавбек «Жиденицы», стоявший во главе своей команды, ударил ногой нашего игрока — Ильина. Ударил без всякой причины, после окончания игры. Хотел ли он сорвать свою злость за упущенную премию, мстил ли за проигрыш своей команды — никто из нас не понял. По существу поступок был хулиганский, не достойный спортсмена. Публика, видевшая этот поступок, наградила хулигана оглушительным свистом. Мы же только посмотрели на него с презрением³⁴.

Не будем подозревать советского капитана во лжи. Отметим лишь, что среди множества интересных фактов, часть которых неизбежно оказалась за пределами вошедшего в книгу повествования, Александр Старостин уделил особое внимание именно истории о грубости и несдержанности чехословацкого игрока.

Можно ли считать грубость чертой, присущей исключительно профессионалам? Вероятнее всего, нет, однако грань между грубостью и, к примеру, силовой борьбой может быть весьма трудноразличима. В пограничных ситуациях одни и те же действия могут трактоваться и со знаком плюс, и со знаком минус. Вот как Андрей Старостин, брат Александра Старостина, вспоминает о «неистовом каталонце» — игроке любительской сборной Каталонии, с которой сборная Москвы встречалась на Рабочей Олимпиаде в Антверпене:

На меня идет мяч. Я в свободной позиции отбиваю головой. Мяч отбит, но после небольшой паузы я вдруг чувствую, что на меня что-то рухнуло. Это центр-форвард налетел на меня всей своей массой с полного хода. <...> «Неистовый» идет на любое физическое обострение. В защите нет игрока, с которым он не лежал бы на земле после своего таранящего налета³⁵.

В результате действий нападающего каталонской команды к финальной встрече (игра сборной Москвы против сборной Каталонии была полуфинальной) в советской команде не набиралось одиннадцати здоровых игроков для основного состава, и на поле был вынужден выйти спортивный гимнаст из той же олимпий-

34. Старостин Ал. П. Рассказ капитана. М.: Советская Россия, 1935. С. 52.

35. Старостин А. П. Указ. соч. С. 30.

ской советской делегации. Стоит ли сомневаться в том, что Андрей Старостин пишет о каталонце с восхищением: «Сильно „потрепал“ нас во время игры и морально, и физически „неистовый каталонец“. Но... когда кончился матч... каждый из нас жал руку этому худощавому рыцарю кожаного мяча»³⁶. Вероятно, границы между правильным и неправильным ведением игры лежат здесь во внеигровой плоскости.

Квинтэссенцией западной профессиональной команды можно назвать клуб «Королевские буйволы», придуманный Львом Кассилем для своей книги и получивший не менее яркое воплощение в экранизации сценарной основы романа, ставшей первым советским полнометражным фильмом о футболе:

Команда ехала с особого разрешения международной футбольной лиги. Политические соображения заставили блюстителей международных законов футбола согласиться на матч с командой [советской любительской], не входящей в ассоциацию. Непобедимая команда была послана, чтобы провести матч в разном стиле. Это должно было раз и навсегда показать, как отстали советские футболисты от европейского класса игры. Болельщики боялись поверить... Шутка ли сказать — «Королевские буйволы!»³⁷

Образы зарубежной команды в книге и кинофильме несколько противоречивы. У Кассиля речь идет о «непобедимом европейском клубе», каковой в те времена могла считаться команда из Италии, Австрии, возможно, Венгрии или находящейся немного в стороне от международной футбольной жизни Великобритании. Однако в фильме «Буйволы» — дикое и малосимпатичное сборище грубиянов, играющих в странной спортивной форме, столь же мало похожее на европейцев, сколь и на футболистов вообще. В конечном счете «Королевские буйволы», скорее, некое собирательное карикатурное зло, которому присущи все негативные стороны футбола.

Грубость советских футболистов имеет несколько иную природу. Ее главная причина лежит в области культуры и воспитания. Если зарубежные профессионалы грубят на поле и ведут себя некультурно потому, что их буржуазная мораль позволяет им вести себя таким образом, то советские футболисты грубят, скорее, как шаловливые дети, которые непременно вырастут и перевоспитаются. Курс на «создание нового человека», взятый партией, прослеживается здесь очень четко: «Ленин четко разделяет: мы — они, мы, партия, должны управлять ими, массой. Мы —

36. Там же. С. 30–31.

37. Кассиль Л. Указ. соч. С. 190.

отцы, они — дети. Программа переделки человеческого материала требовала инфантилизации человека»³⁸. Замечания в прессе по вопросам грубой игры на поле обычно носили назидательный характер. Так, автор статьи «Изгнать некультурность с поля» настаивает, что «нельзя допускать, чтобы советский спорт калечил нужных нам людей»³⁹. Калечит здесь все же спорт, а не люди.

Предпринимались попытки разобраться в причинах «чуждого нашему спорту буржуазного явления». Юрий Ваньят писал: «Наши мастера часто рано зазнаются и прекращают работу над собой. У них мало дисциплины и культуры. Многие игроки ни о чем не думают, кроме мяча и посещения кино. Некоторые малограмотны, и лишь хороший костюм прикрывает культурную отсталость, отсюда и рост грубости»⁴⁰.

Недисциплинированность на поле — это временное явление, болезнь роста, неприятное западное влияние, усугубляющееся «зазнайством» (весьма характерный выбор слова) некоторых советских футболистов. «В одной из игр чемпионата Москвы 1935 года игрок был дисквалифицирован за удар соперника ногой по голове. Годом раньше в Ленинграде пришлось отменить матч, который вылился в массовую драку»⁴¹. Статистические данные по количеству удалений игроков в официальных матчах 1930-х годов выглядят весьма внушительно, даже если делать скидку на строгую принципиальность советских футбольных арбитров. В июне 1935 года «Красный спорт» пишет о 21 удалении в течение всего двух игровых дней! А в 1938 году и вовсе был установлен абсолютный рекорд за всю историю чемпионатов СССР, когда с поля за весь сезон было удалено 60 футболистов.

Вторым важным следствием буржуазных порядков, царивших в профессиональном футболе, была особая система перехода игроков из команды в команду. Несмотря на то что эта система «купи-продажи» была достаточно хорошо известна в Советском Союзе, в книге Александра Старостина еще в 1935 году упоминание о переходе игрока из клуба в клуб сопровождалось соответствующим комментарием:

В практике профессиональных футбольных клубов буржуазных стран существует порядок купли и продажи игроков. Причем, как правило, игрок, которого покупают, не имеет права отказаться от этого, связанный контрактом с клубом, продающим его⁴².

38. Геллер М. Указ. соч. С. 40.

39. Красный спорт. 12.06.1935.

40. Вартамян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 08.10.2004.

41. Эдельман Р. Указ. соч. С. 94.

42. Старостин Ал. П. Указ. соч. С. 14.

В преддверии новогоднего матча со сборной Москвы в парижском «Рэсинге» повздорили между собой хозяин клуба и один из самых лучших игроков этой команды. Вот как об этом пишет М. И. Якушин:

Уже по приезде в Париж мы узнали, что Руди Хиден против нас играть не будет. У него произошел какой-то конфликт с владельцем клуба Леви, и тот, пользуясь тем, что знаменитый вратарь, согласно контракту, стал фактически его «собственностью», на долгий срок вывел Хидена из состава и всячески третировал его. Вот тут-то профессиональный футбол и предстал перед нами своей неприглядной стороной⁴³.

Если западная система в несколько вульгаризированном представлении пропаганды была чем-то вроде работоторговли, то советская прежде всего ставила перед собой задачу быть высокоморальной. В то же время главная проблема оставалась неразрешимой: с любительской точки зрения переходы можно было либо полностью запретить, либо, наоборот, сделать совершенно свободными (в конце концов, что может помешать советскому человеку в нерабочее время играть в футбол с приятными ему людьми?).

Занятия физической культурой и спортом (в том числе, конечно, и футболом) — у нас дело добровольное. Закрепощение игрока за какой-либо командой противоречило бы духу нашего законодательства. Граждане нашей страны вольны сами выбирать род и место деятельности, лишь бы она была общественно полезной и не вступала в противоречие с интересами социалистического общества... но нельзя мириться и с произвольным толкованием права игрока перейти из одной команды в другую. Спортсменам не к лицу забывать о своем долге перед воспитавшим их коллективом. Мало чести тому спортсмену, который, руководствуясь эгоистическими интересами, платит черной неблагодарностью своему коллективу⁴⁴.

Попытки юридически оформить некую универсальную систему переходов оказались изначально обреченными на неудачу именно потому, что лучше всего действительные порядки существовали в какой-то альтернативной реальности — там, где закон можно было бы не нарушать, но и не соблюдать.

Инструкции о переходах — ровесники чемпионатов. Самая первая... оказалась и самой оригинальной: «После утверждения

43. Якушин М. И. Вечная тайна футбола. М.: ФиС, 1988. С. 32.

44. Старостин А. П. Указ. соч. С. 187.

в ВСФК СССР состава команды игроки этой команды в течение года (с 1 января до 1 января) не имеют права переходить в другую команду». Не проще было написать — переходы запрещены. <...> И со сроками перемудрили: документ, подписанный в середине мая, мог действовать в течение семи с половиной месяцев, но не года⁴⁵.

Однако в скором времени переходы все же были разрешены в строго очерченный временной период, своеобразный Юрьев день. Практика же показала, что сроки эти имели свойство постоянно меняться, но и в утвержденном виде соблюдались далеко не всегда. Особенно тягостной была нравственная подоплека каждого перехода, с которой приходилось мириться при осуществлении глубоко аморального акта купли-продажи:

Ситуация в этом вопросе, как и во многих других, сложилась двойственная. Официально, юридически переход из одной команды в другую в установленные законом сроки не возбранялся. Социалистическая мораль подобные действия осуждала. Народнонаселению не уставали повторять: человек, способный предать свой завод, коллектив, спортивное общество, команду добровольно, а тем паче за определенные коврижки, потенциально готов изменить и родине⁴⁶.

Подобные настроения очень точно уловил Лев Кассиль, выстроив конфликт «Вратаря республики» вокруг морального «предательства» главного героя: «И, глядя в окно, стараясь быть как можно спокойнее, он вполголоса сообщил, что переходит в команду клуба „Магнето“. Весть эта поразила ребят. Поступок Антона показался им изменой»⁴⁷. Те же взгляды декларирует и Андрей Старостин: «Единственная „инструкция“ о переходах, которая должна существовать в нашем футболе, — это гражданская совесть спортсмена, чувство долга перед командой, коллективом, взрастившим его»⁴⁸.

На практике же лишь одного желания футболиста и клуба, его принимающего, было совершенно недостаточно. Механизмы перехода, иногда внешне совершенно нелепые, а иногда едва ли не трагические по своим последствиям, почти не поддавались юридическому анализу — по тем же причинам, по которым нельзя было назвать клубы и игроков ни полностью любительскими, ни полностью профессиональными. До проведения первого чемпионата СССР система переходов была более

45. *Вартанян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 26.02.2001.

46. Там же.

47. *Кассиль Л.* Указ. соч. С. 233.

48. *Старостин А. П.* Указ. соч. С. 187.

хаотичной, но вместе с тем и более свободной. Н. П. Старостин вспоминает, как в начале 1930-х годов...

К нашему огромному удивлению, в только что родившееся, неокрепшее общество ринулись лучшие спортивные силы Москвы. Легкоатлеты братья Знаменские из «Серпа и молота»; боксеры Николай Королев, Иван Галыкин, Николай Штейн, Виктор Степанов; ведущие гребцы, пловцы, конники, баскетболисты и волейболисты. Мы не могли понять, в чем дело. Оказывается, по Москве пошел слух: во главе «Спартака» стоят свои люди — спортсмены. Молва, что у нас не надо ожидать очередного указания руководителей по поводу тренировок, была лучше всякой рекламы⁴⁹.

Однако несколькими годами позже «добровольные спортивные общества» почти полностью лишились черт «добровольности», и большинство переходов молодых перспективных футболистов происходили в почти директивном порядке с применением административного ресурса ведомственных клубов армии и милиции — ЦДКА и «Динамо». Большим влиянием пользовались также «Спартак» (особенно до ареста главного болельщика команды Косарева) и заводская команда «Торпедо». Свои экономические и политические рычаги имели крупнейшие республиканские команды. Впрочем, в 1930-е годы это были сплошь «динамовские» коллективы Киева, Тбилиси, Ленинграда, имевшие поддержку в органах госбезопасности на местах. Сложившаяся ситуация делала одного отдельно взятого футболиста существом еще более бесправным, чем его «подневольный» коллега в западном клубе. Талантливый молодой игрок с высокой вероятностью мог совершить переход в более влиятельную и сильную команду, однако едва ли мог рассчитывать на самостоятельный выбор. Так, Григорий Федотов, вероятно самый знаменитый советский футболист второй половины 1930-х годов, в почти приказном порядке усилил ряды армейского клуба, а не симпатичного ему лично московского «Спартака». И это решение представляется вполне понятным — даже многие десятилетия спустя в советском футболе все еще были в ходу «карательные» меры в отношении футболистов, отказавшихся переходить в Центральный спортивный клуб армии. В качестве наказания применялась отправка в местные клубы СКА — в Хабаровск или вовсе в настоящую военную часть. В нескольких случаях Физкультуркомитет устанавливал наказания и для рядовых нарушителей перманентно меняющегося регламента: «Приказом Физкультуркомитета (№ 104) от 14 апреля 1940 года за нару-

49. Старостин Н. П. Указ. соч. С. 27.

шение инструкции о переходах около полутора десятков футболистов (среди них и такой популярный, как Петр Дементьев) дисквалифицировали сроком от шести месяцев до двух лет»⁵⁰.

Спортивный принцип, заряженность команды на результат, ставший одной из основных причин ухода бывших игроков-любителей с постоянного места работы, в сочетании с открывавшимися возможностями по переманиванию игроков — политическим, административным или все же экономическим путем — очень быстро преобразили советский футбол, еще в июне 1936 года.

Через несколько дней после образования Всесоюзного комитета физкультуры Иван Харченко в тронной речи четко обозначил главную стратегическую задачу: «догнать и перегнать передовые капиталистические страны в отношении спорта». Негласным постановлением свыше наиболее перспективных молодых людей отрывали (с их, разумеется, согласия) от сохи и станка и переводили на госдовольствие. В середине 30-х высшее физкультурное ведомство выплачивает избранным спортсменам, освобожденным от трудовой обязанности, денежные пособия, именуемые стипендиями. Соблазнительная перспектива присосаться к внешне заплодотворенной кормушке вдохновила огромные массы физкультурников. Их инициатива поддерживалась руководителями спортбществ. Они переманивали... из конкурирующих организаций тех, кто пусть звезд с неба не хватает, но способен обеспечить приемлемый результат хотя бы на республиканском, областном, городском уровнях. Эта практика приняла широкий размах и стала выходить из-под контроля. Время от времени в центральной прессе появляются разоблачительные материалы. По сообщению «Красного спорта», на Всесоюзной колхозной спартакиаде в Днепропетровске в команде Кировского края колхозников вовсе не было, их заменили квалифицированные спортсмены. Председатель краевого комитета физкультуры снабдил их фальшивыми документами и щедро наделил липовых конюхов, трактористов, комбайнеров трудоднями. Завершали замечку нехитрые стишки. <...> В 37-м такие предсказания обычно сбывались:

Бонжур, мон шер? Ты тоже тут?..
Здесь ныне жуликам раздолье.
Крестьяне эти сеют, жнут
Лишь только на футбольном поле.
Хоть и «колхозники» они,
Обман был обнаружен скоро...
И получать за «трудодни»
Придется всем у прокурора⁵¹.

50. Вартанян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 26.02.2001.

51. Он же. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 16.01.2004.

Одним из самых громких дел, касающихся «незаконного» переманивания игроков из одной команды в другую, стала история футболистов сталинградского «Трактора» Пономарева и Проворнова:

Сразу после игры со «Спартаком» московские «гангстеры» из силовых ведомств похитили игроков «Трактора» и тайно под покровом ночи увезли их в столицу. Пономареву было уготовано место в «Динамо», Проворнову — в ЦДКА. Сталинград бурлил. Горожан раздражали лаконичные, ничего не объясняющие официальные сообщения прессы. Слухи об исчезновении форвардов разлетелись вмиг, и о сути происходящего люди знали. <...> Городская партиячейка и ряд общественных организаций сразу после ЧП обратились в центр с требованием разобраться в произошедшем. Глас народа был услышан⁵². <...> Чрезвычайное происшествие рассматривалось и решение принималось на самом высоком уровне, в святая святых — на заседании Политбюро. Документ... хранится в... РГАСПИ (Фонд 17, опись 3, дело 1012). В этот день, 28 июля, обсуждались еще два вопроса: «О ходе подготовки наступления советских войск против японских милитаристов в районе реки Халхин-Гол» и «О составе военной делегации СССР для переговоров с военными делегатами Англии и Франции». А между ними — об игроках «Трактора»!⁵³ Футболисты были возвращены в родную команду — случай уникальный, но вместе с тем и показательный: оба действия — и отъезд, и возвращение — были произведены без даже видимого соблюдения спортивной законности⁵⁴.

До сих пор в наших рассуждениях о любителях и профессионалах применительно к советскому футболу мы не раз упоминали о сложностях в интерпретации моральной, этической составляющей этого гнетущего дуализма, некоем своде правил, соблюдать которые должен был советский футболист. Это явление также носило довольно специфический характер и во многом

52. *Он же*. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 27.05.2005.

53. Там же. Текст протокола см. в приложении (цит. по статье А. Вартапяна).

54. Повышенный общественный интерес к проблеме «переходов» был отличительной чертой советского футбола на протяжении всей его истории. Б. Сарнов приводит пример из более позднего времени, рубежа 1970–1980 годов, периода активной «травли» академика Сахарова: «На одном московском заводе готовился какой-то большой митинг. По какому поводу — не помню, да это и неважно. <...> Дочитав свою речь до конца, он [докладчик] аккуратно сложил бумажный листок, на котором она была напечатана, и спрятал его в карман.

— А теперь, товарищи, — сказал он, — я хочу сказать про Сахарова. Это что же получается! Мы дали ему все! И зарплату высокую, и премиальные, и новую квартиру. А он — перебежал в киевское „Динамо“!» (Сарнов Б. Указ. соч. С. 383).

происходило из описанного нами противоречия: футболисты играли и получали вознаграждение как профессионалы, но декларировались при этом игровые ценности любителей. Таким образом, ожидать от игроков вне поля соблюдения известных ограничений, самоочевидных для профессионального футболиста, чьи заработок и право на труд прямо зависят от качества его подготовки, не приходилось. Это могло быть предметом насмешек, поводом для сатиры или серьезного выговора, но к коренным изменениям даже эта относительная публичность привести не могла.

Владимир Маяковский, слова которого находили заметный отклик, писал:

То ли в Харькове,
а то ль в Уфе
говорят,
что двое футболистов
на вокзале
вылакали
весь буфет⁵⁵.

Уже в 1930-е годы большой популярностью пользовались публичные «покаянные письма» футболистов, чьи действия было принято характеризовать эвфемизмом «нарушение спортивного режима». По словам А. Вартаняна, «пионером в этой области из когда-либо игравших на высшем уровне стал нападающий ленинградского „Динамо“ Борис Шелагин. Его покаянное письмо опубликовала ленинградская газета „Спартак“ 30 января 1936 года»⁵⁶. Ниже мы приводим некоторые выдержки из этого письма.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

т. Редактор!

Я совершил недопустимый для советского физкультурника поступок, выйдя на футбольное поле в нетрезвом состоянии. За это меня совершенно справедливо наказали: руководство «Динамо» исключило из общества, а футбольная секция ЛОСФК дисквалифицировала на 1/2 года. Наказание наложено на меня очень тяжелое, но оно абсолютно верно, так как от мастера нужно требовать многого. В течение всего этого времени я молчал, так как считал, что я, как игрок, должен перенести наказание за свой по-

55. *Маяковский В.* Товарищи, поспорьте о красном спорте! // Это Футбол. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 40.

56. *Вартанян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 29.08.2003.

ступок. Я не прошу смягчения дисквалификации и сейчас. Пусть все спортсмены получают на мне наглядный урок⁵⁷.

Здесь уместно вспомнить об уже упомянутой нами инфантилизации населения, которая достигалась, помимо всего прочего, вторжением государства в личную жизнь его граждан. Утраченная таким образом ответственность каждого конкретного гражданина, в нашем случае футболиста, за свои поступки, за добросовестное выполнение своих обязанностей и приводила к подобным последствиям. Конечно, система наказаний в футболе была несравнимо более либеральной, чем, например, на предприятии в конце 1930-х годов. Однако в культурном отношении рядовой футболист был близок своему собрату с завода или фабрики — также курил и выпивал. Настоящие стимулы для профессионального роста были привилегией целеустремленных игроков команд-лидеров.

Советский футбол в 1930-е годы неизбежно должен был сделать выбор относительно дальнейших путей собственного развития. Первым и важнейшим решением могла стать возможность создания системы профессиональных клубов и игроков. Шагом в этом направлении было и учреждение чемпионата СССР среди добровольных спортивных обществ в 1936 году. Однако то, что «любительская» система осталась на своем месте, было столь же неизбежно в идеологическом отношении. Слишком силен был антагонизм между «социалистическим» и «буржуазным», «советским» и «западным». Внутренние перемены могли быть достаточно значительными, как, например, введение денежных «стипендий» игрокам или же разрешение на возможность их «перехода» из клуба в клуб. Риторическая же функция, идеология не претерпели существенных изменений.

Из попытки усесться сразу на двух стульях ничего не вышло. И в скором времени тихо, незаметно для постороннего взора центр тяжести перенесли на один. Стремление стать самой передовой спортивной державой взяло верх. Все вернулось на круги своя. Только без излишней рекламы, упоминания о стипендиях, материальных подпитках, освобождении от работы и прочих «не присущих советскому любительскому спорту» химер. Вещи своими именами назвали через полвека, во время нагрывавшей на страну перестройки⁵⁸.

Следствием этого были типичные (но от того не менее губительные) для советского человека упражнения в «двоемыслии».

57. Там же.

58. Там же.

Во всей истории советского спорта не было, вероятно, более сакрального слова, чем «коллектив». Относительные неуспехи и неразвитость в Советском Союзе индивидуальных видов спорта (большого тенниса, например) зачастую принято объяснять именно отсутствием в них «командного духа» (счастливым исключением можно считать, пожалуй, только шахматы, но для этого существовали особые причины). Представление о футбольной команде как о цельном коллективе — первая и важнейшая «истина», которую повторяет на свой манер каждый, кто хотя бы на нескольких страницах высказывается о советском футболе. В попытке проанализировать основы этой системы представлений и ее следствия мы сталкиваемся прежде всего с онтологическими трудностями — сама идея коллектива столь масштабна, что проследить и отметить все детали не представляется возможным. Тем не менее мы постараемся кратко обрисовать представление о «коллективности» в советском футболе (отчасти и спорте в целом) в 1930-е годы и его противопоставлении «индивидуализму».

С рубежа 1920–1930-х годов вместе с резким курсом на индустриализацию и коллективизацию все большее значение стали приобретать массовые спортивные состязания, парады, спортивные представления, в которых участвовали большие группы людей:

Политика индустриализации сопровождалась реформой одежды и физической культуры. Массовые соревнования и спортивные праздники осуществлялись на основе стандартизированной гимнастической хореографии, контролирующей телесные движения больших групп людей. Идея массовых упражнений была общей для целого ряда стран в тот период, массовые партии всех направлений использовали такие публичные выступления для пропаганды своей идеологии, и Советский Союз не был исключением⁵⁹.

Перед нами, безусловно, феномен массового общества, приобретающий в течение нескольких десятилетий все большее влияние и достигающий своего расцвета во второй половине 1930-х годов. В то время как определяющий для Европы и Советского Союза модернизм в 1920-е годы «внедрил удобные способы кон-

59. Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. Сб. статей. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2007. С. 57.

троля над телами»⁶⁰, в государствах, развивающихся в сторону тоталитаризма, этот контроль служил основой для устремлений к созданию «нового человека» («природа — и тело как ее составляющая — в марксизме-ленинизме (как и в либерализме и социализме) расценивалась как объект освоения и подчинения. Новые науки — физиология и психология — представляли легитимный базис для современных методов контроля над телом»⁶¹). Этот предполагаемый «новый человек» — продукт идей социальной инженерии — воспитывается прежде всего как член коллектива. Посвятив этой теме центральное место в своем исследовании, М. Геллер подытоживает: «Человек имеет права лишь как член коллектива, он — по закону — становится „винтиком“. Осуществляется „великий принцип коллективизма“»⁶². В общеисторическом смысле «коллективизм» — это символ эпохи, новая точка отсчета, с которой и начинается «социалистическое строительство». В книге с характерным названием «Соревнование и личность» В. А. Мальцев считает нужным начать именно с определения роли коллектива в советской истории: «История советского общества — волнующая летопись борьбы за утверждение ленинских принципов коллективизма, новых человеческих отношений»⁶³.

В массовых спортивных представлениях принимает участие молодежь («43% населения СССР родились после октябрьского переворота. Если возрастной границей взять 23 года, то окажется, что свыше 50% советского человечества не достигают этой границы»⁶⁴). Более старшее поколение, сформировавшееся еще до революции, в лучшем случае может рассчитывать на роль зрителей. Многие исследователи подчеркивают этот искусственно культивируемый «разрыв», стремление разделить «отцов» и «детей». В партийной политике террора это направление получило широчайшее развитие (от вопросов «Что вы делали до 1917 года?» до мифологизации Павлика Морозова, от сталинских слов «сын за отца не отвечает» до публичных актов отречения детей от своих репрессированных родителей). С. С. Аверинцев в статье «Солидарность поколений как фактор гражданской свободы» призывает «серьезно задуматься над тоталитарной

60. Там же. С. 58.

61. *Damkjaer S.* The body and cultural transition in Russia // *Soviet Civilization between Past and Present* / M. Bryld, E. Kulavig (eds). Odense: Odense University Press, 1998. P. 119–120. Цит. по: Советская социальная политика 1920–1930-х годов. С. 58.

62. Геллер М. Указ. соч. С. 154.

63. Мальцев В. А. Соревнование и личность. Опыт социологического анализа М.: Мысль, 1983. С. 86.

64. Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991 [1936]. С. 134.

эксплуатацией генерационных разногласий»⁶⁵. В новой культурной ситуации коллектив становится «воспитателем». За множественным числом здесь скрывается оправдание самой возможности «воспитывать» («коллектив всегда прав»), довольно топорным образом сочетающееся с представлениями о связи этого явления с «массовостью» и «народностью». «Собственно, „массовость“ и „народность“ в тоталитарном искусстве — это две стороны одной медали. „Массовость“ проходит по ведомству пропаганды, „народность“ принадлежит к сфере компетенции теории, эстетики, философии»⁶⁶. Ортега-и-Гассет определяет «массу» еще проще: «Масса — это „средний человек“»⁶⁷.

Мы не ставим знак равенства между массой и коллективом, однако отмечаем сходство в самой идее «общности» их задачи. В этом отношении футбол очень удачно вписывается в идеологические построения, на которых основывается советская система, — игроки футбольной команды собраны вместе для достижения общей цели. Другой смысл этой «коллективности» — в самой *наличии* этой цели. А. Луначарский в «Мыслях о спорте» последовательно утверждает необходимость присутствия сверхцели, главным образом связанной с подготовкой к неминуемой грядущей войне: «Война до чрезвычайности изменила все на европейском континенте. Даже ее приближение изменило уже общественное настроение и дало новое место физкультуре и, в частности, спорту»⁶⁸. С. А. Королев склонен разграничивать «западное» отношение к спорту и отношение «советское», для него вопрос о «коллективной общей цели» больше относится к спорту в СССР:

Спорт включался в контекст коллективистской военной культуры; если на Западе, в Европе, в Англии он долгое время был единоборством джентльменов, рискованным, небезопасным для здоровья, но индивидуальным занятием и истинный спортсмен не должен был ждать от спорта ничего, кроме острых ощущений (скачки, бокс, поло), то в советском пространстве спорт стал способом приготовления индивида к некоей высшей и непременно общей цели⁶⁹.

«Индивидуальное» приносится в жертву «коллективному». Они остаются двумя частями одного целого, но их взаимозависимость и внутренние роли определяются очень четко: «Это

65. Аверинцев С. С. Солидарность как фактор гражданской свободы // Собрание сочинений. Т. 1. С. 423.

66. Голомшток И. Указ. соч. С. 170.

67. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. С. 45.

68. Луначарский А. В. Мысли о спорте. М.: Огонек, 1930. С. 6.

69. Королев С. А. Указ. соч.

не значит, что индивидуальный подход полностью отвергается, но акцент делается на понимание личности как психосоциальной единицы через ее положение внутри социальной группы»⁷⁰. Еще более определенно на эту тему высказывается В. Паперный: «Под индивидуальностью в культуре 2 понималось лишь точно найденное место в иерархии»⁷¹:

В конечном счете весь индивидуализм культуры 2 означал, что каждый коллектив имел своего индивидуального репрезентанта. Коллектив всей страны имел в качестве репрезентанта Сталина. Сталин был эквивалентом всей страны и любой ее выделенной части⁷².

Несомненно, коллективность игры — главный отличительный признак советского футбола, формообразующая стилистическая черта. В номере «Красного спорта» за 18 июля 1935 года посол Франции в СССР Шарль Альфан заявляет об этом со всей определенностью, попутно припоминая известную сталинскую метафору: советский футбол — «это настоящая игра коллектива, и естественно, что в СССР, стране коллективизма, футбольное поле представляет собой такое незабываемо красивое зрелище, где каждый игрок кажется винтиком одной огромной сложной машины»⁷³. Коллективность предполагает опору на определенные игровые принципы — о необходимости их выработки много говорится на протяжении всех 1930-х годов. Это вопрос фундаментальный, в чем-то даже более важный, чем вопрос тактики, — все тактические построения уже должны быть основаны на идеях коллективной игры. В своей классической работе по теории футбола Б. А. Аркадьев, один из наиболее успешных тренеров-практиков в советском спорте, посчитал должным отметить в отечественном футболе именно эти черты: «Моральным моментом, характеризующим тактический облик нашего футбола, является высокая, я бы сказал, одухотворенная коллективность игры»⁷⁴. Коллективность в понимании Б. Аркадьева — это краеугольный камень любой современной системы игры, первооснова, берущая свое начало в традициях зарождения футбола еще в XIX веке:

В тот момент, когда один защитник пришел на помощь к другому, чтобы отобрать мяч у противника, родилась коллективная так-

70. Мэдисон Б. Достоинства и проблемы советских учреждений социального обеспечения // Советская социальная политика 1920–1930-х годов. С. 78.

71. Паперный В. Указ. соч. С. 111.

72. Там же. С. 154.

73. Красный спорт. 18.07.1935.

74. Аркадьев Б. А. Тактика футбольной игры. М.: ФиС, 1950. С. 14.

тика футбольной игры. Она возникла в рядах защитников, которые до сих пор остаются строгими носителями «священной» обязанности взаимной помощи, то есть коллективной игры⁷⁵.

Во время очных встреч двух советских команд между собой «коллективность» включает в себя не только каждую из них в отдельности — она расширяется до общего принципа, объединяющего обе команды. «В классово антагонистическом обществе соревнование неизбежно выступает в форме конкуренции, а в обществе, основанном на коллективной собственности, оно принимает форму товарищеского сотрудничества»⁷⁶. Наиболее точное определение совместной коллективной задачи, которую призваны решать спортсмены на поле, дал в своих философских очерках Н. Н. Визитей:

При социализме к спорту как к деятельности, воспроизводящей основную идею межличностных отношений индивидов, предъявляются повышенные требования с точки зрения чистоты передачи этой идеи. В частности, совершенно недопустимо, чтобы зритель мог увидеть в соревновательных действиях спортсменов противоборство индивидов, стремящихся к сугубо личному успеху, действующих в соответствии с индивидуалистическими установками, ориентированных на утверждение себя за счет подавления другого⁷⁷.

Советские футбольные команды по определению играют в «коллективный футбол» — несложный механизм репрезентации связывает их игру с восприятием действительности, которая формируется с их помощью у футбольного болельщика: таким способом ему объясняют, как он должен интерпретировать то, что видит на поле.

Насаждение «коллективности» одновременно означало борьбу с «индивидуальностью», и, надо сказать, что в советском футболе второй половины 1930-х годов было немало игроков, которых никак нельзя было назвать «винтиками». Футбол как игра коллективная определяется прежде всего индивидуальностями. Фигуры неудержимого форварда или непробиваемого вратаря неизбежно оказываются в центре всеобщего внимания. Во имя достижения общей цели работает вся команда, но увенчать коллективные усилия должен только один человек (в обратной ситуации один человек (вратарь) может спасти команду от неминуемого воплощения «коллективных усилий» противника).

75. Аркадьев Б. А. Указ. соч. С. 7.

76. Мальцев В. А. Указ. соч. С. 8.

77. Визитей Н. Н. Указ. соч. С. 90.

«Великий форвард, на которого молится вся команда, воплощает свободный дух футбола. Как пассат, он носится по полю, послушный только постоянству направления. Его цель — оказаться в нужном месте в нужное время, чтобы не пропустить свидания с судьбой»⁷⁸.

Ситуация 1930-х годов в советском футболе парадоксальна: обилие неординарных игроков поставлено в зависимое от власти положение — они почти лишены возможности проявить свои игровые качества в матчах с сильными зарубежными соперниками: в то же время и в домашних играх им необходимо обуздывать собственный игровой индивидуализм. По итогам каждого игрового сезона Всесоюзный комитет составлял и утверждал списки лучших футболистов года: по пять в каждом игровом амплуа. Поклонникам футбола тех лет многие детали в этих списках казались весьма значительными. А. Нилин пишет о рейтинге 1938 года:

Дальше — левые инсайды. Первый — Николай Дементьев. Не Петр — Пеки вообще нет в пятерке. Год назад еще он был одним из самых приметных в матчах с басками. И будет играть в хороших командах дальше лет двенадцать. Но нежеланию Пеки подчиниться коллективному рисунку игры дана, как тогда выражались, должная оценка⁷⁹.

Г. Федотов, вероятно сильнейший советский футболист довоенного поколения, первый нападающий, забивший в официальных матчах сто голов (его именем назван символический советский «клуб бомбардиров»), также неоднократно попадал в непростое положение в связи со своей манерой игры на поле. Грань между «игрой, поставленной на службу команде» и «злоупотреблением индивидуальными действиями» чрезвычайно тонка, в большой степени она зависит от конечного результата — забитого или незабитого мяча, выигранной или проигранной встречи. Великому игроку трудно найти себе место на поле в советском футболе, ему трудно избежать ярлыка «звезды», то есть игрока неприемлемого в СССР «западного» типа, ярлыка, который может стать для него «черной меткой». Г. Федотов в «Записках футболиста» так характеризует свою игру в начале карьеры, начавшейся совершенно необыкновенно, когда он в чрезвычайно юном возрасте попал в главную команду «мастеров» и сразу же стал в ней одним из лучших: «Казалось бы, все хорошо. Однако не было главного. Это главное — умение по-настоящему

78. Генис А. Дзен футбола и другие истории. М.: АСТ, 2008.

79. Нилин А. Век футбола. М.: Терра-спорт, 1998. С. 13.

играть в коллективе. Я был слишком индивидуален на поле»⁸⁰. Эти слова должны были произвести впечатление на юных начинающих футболистов, ведь их написал игрок, находившийся в центре всеобщего внимания, игрок особенный, выделявшийся даже на фоне лучших спортсменов тех лет. В своих дневниках Ю. Олеша говорил о нем так: «Этот Федотов, действительно великолепный игрок, является сейчас сенсационной фигурой в Москве. О нем знают и говорят даже те, кто не ходит на футбол»⁸¹ (эта запись датирована 1940 годом). Особая любовь зрителей к игрокам-звездам — вещь совершенно естественная, тем более в командных видах спорта, где подлинного героя можно сразу увидеть на фоне его товарищей по команде и противников. И все же в Советском Союзе идея коллективизма прививается до конца. По крайней мере такой она видится в зеркале пропаганды. И. Ильф и Е. Петров в своем фельетоне начала десятилетия высказываются о болельщицких вкусах довольно недвусмысленно: «Он [болельщик] не любит мазунов и так называемых индивидуалов, которые „заматываются“, играют сами за себя и портят всю чудесную музыку футбола»⁸². Тот же Б. Аркадьев пытается «реабилитировать» некоторые элементы технико-тактических действий, многие из которых сплошь и рядом характеризуются в прессе как «нежелательные». Ему, как тренеру, необходимо иметь в своем распоряжении весь тактический арсенал и ставить его на службу команде. А потому его беспокоит, что «к обводке прикладывают порочащую ее этикетку „индивидуальной“ игры»⁸³.

Власть хотела бы ассоциировать себя с «командным», стержневым игроком⁸⁴. Таким был, например, один из братьев Старостиных, Андрей: на поле — опорный полузащитник, капитан команды «Спартак» (Москва), вне поля — директор фабрики, производящей спортивный инвентарь, а также «кандидат в депутаты Куйбышевского районного совета (г. Москва)»⁸⁵, в недалеком будущем — узник ГУЛАГа.

Советская система ценностей «социалистического» футбола последовательно отстаивала позиции «коллективной игры» в ее противопоставлении «индивидуальной». Эта позиция не чисто спортивного характера. Пропагандировать «коллективизм»

80. Федотов Г. Указ. соч. С. 36.

81. Цит. по: Нилин А. Указ. соч. С. 14.

82. Ильф И., Петров Е. Любители футбола // Это Футбол. С. 162.

83. Аркадьев Б. А. Указ. соч. С. 22.

84. «Звезды всегда были одним из главных элементов зрелищного спорта, и государство явно чувствовало необходимость в создании собственных звезд» (Эдельман Р. Указ. соч. С. 33).

85. Красный спорт. 24.12.1939.

в футбольной игре по большому счету нелепо — эта игра всегда будет командной вне зависимости от того, насколько регулярно призывы к этому будут появляться в средствах массовой информации. Более серьезному влиянию подвергалась «индивидуальность» игрока, которой зачастую не удавалось раскрыться в подобных условиях. В результате недостаток игроков самостоятельно мыслящих и раскрепощенных констатировался в советском футболе на протяжении многих десятилетий.

И все же в первую очередь советская агитация стремилась создать определенный *образ* футбола в глазах болельщиков и сторонних наблюдателей, лишить игру черт «буржуазных» и привить «социалистические», то есть, строго говоря, сделать частью своей политики:

«Социально значимый эффект» может быть обеспечен лишь тогда, когда спортсмен идет к победе и побеждает, руководствуясь теми принципами межличностных отношений, которые соответствуют основным нравственным ценностям социалистической культуры⁸⁶.

Тактика — импровизация

Советский социалистический футбол выработал свой взгляд на одну из фундаментальных проблем для спорта в целом — отношения в игре тактики и импровизации. В советской системе 1930-х игровая целесообразность в большой степени второстепенна, на первом плане вновь идейное и идеологическое основание «манеры игры» футболистов. Уже в позднесоветское время тактическое противостояние на поле восточноевропейских и западноевропейских команд порой приводило к комическим последствиям. С. Королев показывает, насколько глубоки были корни различия в применении тактических идей на поле и насколько характер их происхождения мог соотноситься с явлениями, далекими от футбола:

Вспомним хотя бы неисчислимы мучения, которые причинил нашим футбольным командам такой незамысловатый прием, как «искусственный офсайд». <...> Искусственный офсайд — это полноценная эманация правового государства, проявление «буржуазного права». Он зиждется на одной фундаментальной предпосылке, совершенно чуждой советскому менталитету: вере в приоритет права и принципиальную реализуемость закона. Ибо если не верить абсолютно и сразу в то, что судья, застиг-

86. *Визитей Н. Н.* Указ. соч. С. 105.

нув игрока в офсайде, непременно махнет флагом и не даст забить или же не засчитает гол забитый, то и прием этот нет смысла применять. Наши же, долго считавшие, что право — это буржуазная выдумка, футбольное поле — это место, где выявляется преимущество одной социальной системы над другой, а футбольный судья в зависимости от того, какую страну он представляет, находится по одну из сторон железного занавеса, такие штуки не практиковали и напрочь выбивались из колеи, когда их применяли другие⁸⁷.

«Тактика» для советского человека прежде всего ассоциировалась с «военной тактикой». Б. Аркадьев оговаривает это обстоятельство в самом начале своей книги: «Общие положения военной тактики, бесспорно, имеют практическое приложение и к футбольной игре как к борьбе между двумя группами людей»⁸⁸. Проводя несложные параллели между футболом и войной, советская пресса отдавала предпочтение футболу «атакующему».

Во всех пяти чемпионатах СССР 1930-х годов в центре общественного внимания была полемика вокруг двух различных тактических систем: «западной», «буржуазной» «дубль-вэ»⁸⁹ и «советской» (что в достаточной мере условно, поскольку она применялась повсеместно, до повсеместного же перехода на «дубль-вэ») «пять в линию». Ключевую роль в столкновении двух тактических вариантов игры сыграли встречи советских команд с зарубежными профессиональными клубами. Результаты и опыт этих встреч с чехословацким «Жиденице», французским «Рэсингом» и сборной Басконии обусловили исторический выбор тактического построения для футбольных коллективов в СССР.

Во всех без исключения советских мемуарах послесталинского времени «дубль-вэ» называется тактикой более прогрессивной, гибкой и разнообразной, нежели «пять в линию». Матчи, сыгранные между командами двух систем, убедительно подтверждают это мнение. Однако для того, чтобы взять на вооружение новое тактическое построение, советскому футболу потребовалось почти пять лет идейной адаптации к новым условиям. Плохую службу советским игрокам сослужил матч в Чехословакии, который сборная Москвы выиграла со счетом 3:2, играя по старой схеме. В книге, вышедшей через год после той игры, Александр Старостин отдал предпочтение «советской» игровой

87. Королев С. А. Указ. соч.

88. Аркадьев Б. А. Указ. соч. С. 3.

89. Это название игровая схема получила благодаря внешнему сходству расстановки игроков на поле с латинской буквой W.

модели: «На мой взгляд, наша система лучше и крепче, особенно в защите»⁹⁰. В это же время (1935–1936) «дубль-вэ» критикуют за ее «оборонительную» направленность:

Не ознакомившись толком с новой системой, у нас поспешили объявить ее «защитной» (а следовательно, не подходящей для советского футбола) на том основании, что в отличие от системы «пять в линию» команда должна была иметь в составе не двух, а трех защитников. К тому же оба полусредних нападающих из передней линии атаки оттягивались назад⁹¹.

Поводом для первых сомнений в целесообразности старой тактики стала новогодняя встреча в Париже: местный «Рэсинг» на стадионе Парк де Пренс принимал сборную Москвы. Не столько счет (москвичи проиграли 1:2), сколько сам ход игры, на протяжении которой «Рэсинг» активно атаковал и имел множество голевых моментов, впервые заставил советских игроков отбросить в сторону пропагандистские «заклинания» и приглядеться к новой тактике («играли хоть и неплохо, да неверно»⁹²). Великолепная игра молодого вратаря сборной Москвы Анатолия Акимова позволила гостям проиграть с минимальным счетом — результат был признан хоть и неудачным, но в целом приемлемым. Вновь, как и за полтора года до этого, никто из советских специалистов не решился перенять «западную» новинку для своей команды. Уже значительно позднее журналист Мартын Мержанов видел в этой встрече источник будущей коренной перестройки: «Нужно было серьезно перестраивать советский футбол и постепенно переходить на рельсы английского „дубль-вэ“, не теряя самобытных черт отечественной игры»⁹³.

В 1937 году, за несколько месяцев до памятного турне сборной Басконии по СССР, московское «Динамо» в очередной раз констатировало верность избранной тактической модели:

«Считаем доказанным, что стиль советского футбола не уступает футбольным стилям, практикуемым в Европе, в частности „дубль-вэ“, — заявило динамовское руководство. Публичное отречение от распространенной в Европе «буржуазной» системы (время от времени ее клеймили в нашей прессе за якобы оборонительную направленность — она-де не вписывается в наступательную доктрину советского футбола) считалось хорошим тоном»⁹⁴.

90. Старостин Ал. П. Указ. соч. С. 60.

91. Якушин М. И. Указ. соч. С. 31.

92. Старостин А. П. Указ. соч. С. 163.

93. Мержанов М. Указ. соч. С. 21.

94. Вартамян А. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 16.01.2004.

Сложно сказать, насколько неожиданными были спортивные результаты матчей с басками. Круг зарубежных соперников советских команд по-прежнему оставался очень узким, и строить какие-то определенные прогнозы и предположения было затруднительно. Сборная Басконии оказалась первой профессиональной командой, посетившей Советский Союз. Испанцы устроили футбольное турне по Европе, собирая средства для республиканской армии и семей, пострадавших в гражданской войне⁹⁵. И все же, несмотря на восторженный прием героических гостей и заверения в братской солидарности, советским футбольным и нефутбольным руководителям оказалось непросто принять как должное результаты первых матчей. Баски обыграли обладателя кубка СССР московский «Локомотив» 5:1. Затем в упорной борьбе переиграли вице-чемпиона страны «Динамо» — 2:1. Вдохновленные в целом равной игрой в этой встрече динамовцы добились права сыграть с басками еще раз. Результат оказался печальным для москвичей: поражение 4:7. Отправившись в турне по крупным советским городам, сборная Басконии одержала победы во всех матчах, кроме одного: вничью завершилась игра со сборной Ленинграда⁹⁶. Противостояние явно приобрело характер политического: ленинградские события — попытки напоить испанских игроков, устроить им ночные встречи с советскими проститутками — убедительно продемонстрировали нежелание советского руководства отпускать басков из СССР до тех пор, пока они, наконец, не проиграют. И надо сказать, что с каждым матчем шансы на победу у советских команд возрастали — турне продолжалось уже долгое время, и баски были измотаны.

Но настоящим шансом на победу была смена тактики. Руководство московского «Спартака», которому предстояло провести последнюю московскую встречу с испанцами, после длительных колебаний и консультаций с партийным руководством приняло решение играть по схеме «дубль-вэ».

95. «Весной 1937 года корреспондент испанской вечерней газеты Аллегрия, заручившись поддержкой главы баскского правительства Агирре, организовал турне сборной Басконии по Европе. Поездке придавалось преимущественно политическое, агитационное и только в последнюю очередь спортивное значение: чего требовать от футболистов, пусть и незаурядных, если они около года не видели мяча. Ребят вызвали из окопов и сообщили о важном правительственном задании: заработать в Европе деньги для семей погибших воинов» (*Он же*. Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 13.02.2004). Подробно об этом также пишет Р.Эдельман в другой своей книге: *Edelman R. Spartak Moscow: History of The People's Team in the Workers State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

96. Подробно о событиях вокруг этой игры см.: *Вартанян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 05.03.2004.

Гости из ЦК комсомола, из Комитета физкультуры, из Всесоюзного олимпийского комитета, из самых различных организаций приезжают на скромный загородный стадион, чтобы посмотреть на тренировку. Они все интересуются состоянием команды, желают нам успеха, подбадривают, дают советы. Машины то и дело подкатывают к стадиону. И письма, письма, телеграммы со всех концов Советского Союза: «„Спартак“, не подкачай!»⁹⁷

Одновременно состав команды был усилен несколькими игроками из других клубов, в том числе молодым Григорием Федотовым, сыгравшим ключевую роль в том матче. «Спартак» превосходно приспособился к новой тактике и выиграл 6:2. По мнению некоторых свидетелей той игры, два гола хозяев были забиты при попустительстве главного судьи: «Два мяча из четырех, забитых во второй половине, влетели в ворота басков не без помощи судьи Космачева, медвежья услуга которого оставила нехороший осадок»⁹⁸. Н. П. Старостин, признавая свою несомненную субъективность и вспоминая А. Пушкина («царь смотрел на все очами Годунова»), тем не менее считал судейство Космачева беспристрастным⁹⁹.

Принципиальный шаг был сделан. В течение следующих полутора лет почти все сильнейшие советские команды взяли на вооружение «новую» тактику. К середине 1939 года Андрей Старостин писал в заметке для «Красного спорта»: «В отношении тактики нам надо освоить систему „дубль-вэ“ и вообще увидеть собственными глазами те многие стили, о которых мы пока лишь слышим»¹⁰⁰. Но подобное положение дел не могло считаться полностью удовлетворительным — слишком уж очевидно было механическое использование враждебного «западного опыта» советскими игроками. Журналист Е. Воробьев в весьма знаменательной статье «Футболисты» в газете «Комсомольская правда» суммировал основные претензии «футбольной общественности» и указал дальнейший вектор развития:

Нам следует учиться у зарубежных противников, но не нужно бездумно преклоняться перед ними, неумно копировать их систему игры... Наши футболисты должны неустанно работать над тем, чтобы создать свой, советский стиль — стиль решитель-

97. Старостин А. П. Указ. соч. С. 177.

98. Мержанов М. Указ. соч. С. 26.

99. Ср. с примером из Л. Кассиль — советский судья назначает пенальти в ворота «своей» команды в матче с зарубежными профессионалами, «Королевскими буйволами»: «„Буйволы“ изумил этот залп беспристрастия. Ни в одной стране не доводилось им слышать такое... Ведь это же неизбежный проигрыш советской команды» (Кассиль Л. Указ. соч. С. 202).

100. Красный спорт. 07.05.1939.

ного, молниеносного наступления. Следует понять при этом — нигде не сказано, что прославленный «дубль-вэ» является образцом, который нельзя превзойти¹⁰¹.

В последние довоенные годы эта «идея» (авторство которой, вероятно, принадлежало не журналисту Воробьеву) последовательно внедрялась в советскую футбольную жизнь. Большое впечатление на современников произвело интервью Н. П. Старостина газете «Вечерняя Москва»: «Московский „Спартак“ намерен в 1940 году отойти от „дубль-вэ“ и искать новый, советский футбольный стиль»¹⁰². Эти слова прозвучали тем более удивительно, учитывая, что к концу сезона-1939 «Спартак» добился огромного успеха: сделал два «дубля» подряд (в 1938–1939 годах выигрывал и чемпионат, и Кубок страны), и никаких радикальных перемен вроде бы не требовалось. Одной из важнейших предполагаемых причин резкой перемены в «официальном» восприятии «дубль-вэ» был пакт Молотова–Риббентропа и последовавшее за ним начало Второй мировой войны. В условиях изменившейся политической ситуации 1939–1940-х годов с прежним энтузиазмом воспевать «бригантскую» систему игры было уже невозможно¹⁰³.

Разработка новой тактики была осуществлена в ударных темпах. Более глубокие причины быстрого выполнения задания заключались во внутреннем развитии самой игры — в ней все больше стали проявляться черты «универсализации» игроков, с учетом которых любая игровая схема представляется в известной степени условной. В одинаковой мере были важны и сама тактическая новинка, и способ ее преподнесения публике. «Советским» стилем игры была признана придуманная Борисом Аркадьевым тактика свободных перемещений игроков линии атаки:

В 1939 году все наши команды уже играли по новой системе [«дубль-вэ»], а в следующем сезоне команда московского «Динамо», блестяще выиграв первенство страны, уже пошла дальше и значительно усовершенствовала систему игры, внося в нее новые тактические принципы, легшие в основу тактического стиля современного советского футбола¹⁰⁴.

101. Комсомольская правда. 18.06.1938. Цит. по: *Вартанян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 12.11.2004.

102. Цит. по: *Вартанян А.* Как начинался советский футбол // Спорт-экспресс. 05.08.2005.

103. Ср. с замечанием А. Нилина о первых послевоенных чемпионатах: «Но в те времена говорить на западный манер было очень уж рискованно — наступит момент, когда и футбольную терминологию переименуют на домашний лад: вместо „корнера“ — угловой, вместо «инсайда» — полусредний...» (*Нилин А.* Указ. соч. С. 58).

104. *Аркадьев Б. А.* Указ. соч. С. 10.

Неожиданный успех этой системы был обусловлен высоким исполнительским мастерством подопечных Аркадьева и большей степенью свободы, которая предоставлялась им на поле. Пожалуй, впервые в советском футболе были «узаконены» и стали приветствоваться элементы импровизации. «В „Динамо“ Аркадьев применил свое первое тактическое новшество. В справочниках его называют „широкоманевренной игрой в атаке“¹⁰⁵. А тогда говорили с восхищением: спланированный хаос»¹⁰⁵.

Б. Аркадьев писал об импровизации как о необходимой творческой деятельности игрока, подчиненного общекмандной тактике: его «организованный хаос» в атаке был успешен во многом в силу своей вариативности и непредсказуемости:

Индивидуальное многообразие игроков является именно тем обстоятельством, которое не позволяет комбинации из численного соотношения сил, пространства и времени стать математическим законом игры и сохраняет за ней все неожиданное и всегда новое, что свойственно всякой творческой деятельности человека¹⁰⁶.

Требования точности и механистичности в сочетании с возможностью сыграть нестандартно отвечали духу времени. Выдающийся игрок становился на одну ступень с художником:

Музыкальный дискурс требует от музыканта-художника, с одной стороны, полного автоматизирования игры, с другой же стороны, наполнения ее глубочайшими чувствами. Игра должна быть бездушной, и одновременно с этим — настоящим выражением души¹⁰⁷.

Последние довоенные чемпионаты принесли успех этому новому пониманию игры. Это, в свою очередь, лишь укрепило и без того высокую популярность футбола в различных слоях общества. Игра стала восприниматься многими как эстетическая категория.

* * *

Игра на поле и полемика вокруг игры были связаны между собой — футбол был социокультурным явлением, монополию на интерпретацию которого стремилось взять на себя госу-

105. Нилин А. Указ. соч. С. 17.

106. Аркадьев Б. А. Указ. соч. С. 12.

107. Курселл Ю. Piano mécanique et piano biologique. Исследования Н. А. Бернштейна о фортепьянном ударе // Советская власть и медиа. Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсгена. СПб.: Академический проект, 2006. С. 133.

дарство. Любители и профессионалы, коллектив и индивидуальность, тактика и импровизация были важными терминами и категориями, при помощи которых футбол мог быть разъят на составные части, каждая из которых должна была служить для объяснения сути его «советского» понимания. В то же время этот дуализм раскрывал и недостатки однобокого и зачастую упрощенного понимания игры. Футбол, при всей своей несомненной общественной роли, был сведен лишь к средству физического воспитания и пропаганде разнообразных преимуществ социалистического образа жизни. В зеркале пропаганды советский футбол стилистически был связан с самим устройством жизни в СССР:

Стиль игры — это ее общий характер, обусловленный психическими и физическими качествами игроков, степенью их технического умения, общепринятой тактической концепцией игры и, наконец, тем местом и значением, которое занимает спорт и футбол в частности в культурно-общественной жизни страны¹⁰⁸.

Иное восприятие было привилегией людей, способных судить об игре более самостоятельно и независимо.

REFERENCES

- Arkad'ev B. A. *Taktika futbol'noi igry* [Tactics of football game], Moscow, FiS, 1950.
- Averintsev S. S. O nekotorykh konstantakh russkogo traditsionnogo soznaniia [On certain constants of Russian traditional consciousness]. *Sobranie sochinenii. Sviaz' vremen* [Collected works. Link of times], Kiev, Dukh i litera, 2005, vol. 1. pp. 381–382.
- Averintsev S. S. Solidarnost' kak faktor grazhdanskoi svobody [Solidarity as a factor of civil liberty]. *Sobranie sochinenii. Sviaz' vremen* [Collected works. Link of times], Kiev, Dukh i litera, 2005, vol. 1.
- Damkjaer S. The body and cultural transition in Russia. *Soviet Civilization between Past and Present* (eds. M. Bryld, E. Kulavig), Odense, Odense University Press, 1998, pp. 119–120.
- Edelman R. *Ser'eznaia zabava: istoriia zrelischnogo sporta v SSSR* [Serious Fun: A History of Spectator Sports in the USSR], Moscow, Sovetskii sport, AIRO-XXI, 2008.
- Edelman R. *Spartak Moscow: History of The People's Team in the Workers State*, Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
- Fedotov G. I. *Zapiski futbolista* [Notes of a football player], Moscow, Molodaia gvardiia, 1952.
- Fitzpatrick S. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s], Moscow, ROSSPEN, 2008.

108. Аркадьев Б. А. Указ. соч. С. 13.

- Geller M. *Mashina i vintiki: istoriia formirovaniia sovetskogo cheloveka* [The machine and the cogs: history of formation of Soviet man], Moscow, MIK, 1994.
- Genis A. *Dzen futbola i drugie istorii* [Football “zen” and other stories], Moscow, AST, 2008.
- Golomshtok I. *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art], Moscow, Galart, 1994.
- Iakushin M. I. *Vechnaia taina futbola* [The eternal mystery of of football], Moscow, FiS, 1988.
- Ilf I., Petrov E. *Liubiteli futbola* [Football fans]. *Eto Futbol* [It is footbool], Moscow, Molodaia gvardiia, 1967.
- Kassil' L. *Vratar' respubliki* [Goalkeeper of the republic], Moscow, Sovetskii pisatel', 1959.
- Konstruiruia «sovetskoe»? Politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti. Materialy nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov.* [Constructing the “Soviet”? Political consciousness, everyday practices, new identities. Materials of scientific conference of students and post-graduate students], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2009.
- Korolev S. A. *Landschafty i tela: usheshdie miry sovetskogo sporta* [Landscapes and bodies: the gone worlds of Soviet sports]. *Znamia*, 1997, no. 6.
- Kursell Iu. *Piano mecanique i piano biologique. Issledovaniia N. A. Bernsheina o fortep'ianom udare* [Piano mecanique and piano biologique. Studies of a piano touch by N. A. Bernstein]. *Sovetskaia vlast' i media. Sbornik statei* [Soviet power and the media. Collection of articles] (eds. Kh. Giunter, S. Khensgen), Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2006.
- Lebina N., Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. *Zabota i kontrol': sotsial'naia politika v sovetskoj deistvitel'nosti, 1917–1930-e gody* [Care and control: social policy in the Soviet reality, 1917–1930-ies]. *Sovetskaia sotsial'naia politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'. Sbornik statei* [Soviet social policy of 1920–1930s: ideology and everyday life. Collection of articles], Moscow, Variant, CSPGI, 2007.
- Leontiev A. N. *Psikhologicheskie osnovy doshkol'noi igry* [Psychological foundations of preschool play]. *Problemy razvitiia psikhiki* [Problems of development of the psychology], Moscow, MGU, 1972.
- Lunacharsky A. V. *Mysli o sporte* [Reflections on sport], Moscow, Ogonek, 1930.
- Madison B. *Dostoinstva i problemy sovetskikh uchrezhdenii sotsial'nogo obespecheniia* [Contributions and Problems of Soviet Welfare Institutions]. *Sovetskaia sotsial'naia politika 1920–1930-kh godov: ideologiya i povsednevnost'. Sbornik statei* [Soviet social policy of 1920–1930s: ideology and everyday life. Collection of articles], Moscow, Variant, CSPGI, 2007.
- Mal'tsev V. A. *Sorevnovanie i lichnost'. Opyt sotsiologicheskogo analiza* [Competition and personality. An essay on sociological analysis] M.: Mysl', 1983.
- Mayakovsky V. *Tovarishchi, pospor'te o krasnom sporte!* [Comrades, argue about the red sports!]. *Eto Futbol* [It is footbool], Moscow, Molodaia gvardiia, 1967.
- Merzhanov M. *Eshche raz pro futbol* [Once again about football], Moscow, Fizkul'tura i sport, 1972.
- Nilin A. *Vek futbola* [Century of football], Moscow, Terra-sport, 1998. S. 13.
- Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [La rebelión de las masas], Moscow, AST, 2008.
- Papernyi V. *Kul'tura Dva* [Culture Two], Moscow, New Literary Observer, 1996.
- Sarnov B. *Nash sovetskii novoiaz. Malen'kaia entsiklopediia real'nogo sotsializma* [Our Soviet Newspeak. Small encyclopedia of real socialism], Moscow, Materik, 2002.
- Stalin i krizis proletarskoi diktatury. Platforma «soiuza marksistov-lenintsev» («gruppa Ryutina») [Stalin and the crisis of the proletarian dictatorship. “Union of Marxist-Leninists” Platform]. *Reabilitatsiia. Politicheskie protsessy 30–50-kh godov* [Rehabilitation. Political processes of 30–50s], Politizdat, 1991.

- Starostin A. P. *Bol'shoi futbol* [Big Football], Moscow, Molodaia gvardiia, 1957.
- Starostin A. P. *Rasskaz kapitana* [The story of team captain], Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1935.
- Starostin N. P. *Futbol skvoz' gody* [Football through the years], Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1989.
- Trotsky L. D. *Predannaia revoliutsiia* [The Revolution Betrayed], Moscow, NII kul'tury, 1991 [1936].
- Vartanian A. *Kak nachinalsia sovetskii futbol* [How Did Soviet Football Began]. *Sport-ekspress*, 2001–2005.
- Vizitei N. N. *Fizicheskaia kul'tura i sport kak sotsial'noe iavlenie: filosofskie ocherki* [Physical culture and sport as a social phenomenon: philosophical Essays], Kishinev, Shtiintsa, 1986.